

1990

10/5-60

Земцев Ф.

Более полувека отдал цирку Фирс Петрович Земцев. Что верно, то верно, не ходил он в кумирах, но всегда был на хорошем счету. Не выслужил он и высоких званий. Впрочем, всегда ли их получают по заслугам? Есть и другие критерии мастерства, подороже официальных наград.

Как-то в начале 50-х в старом московском цирке, словно в шутку, решили потягаться признанные мастера жонглирования Александр Кисс, Николай Ольховников. В творческий спор с ними вступил Фирс Земцев и одолел соперников. Соревнование это проводилось не для публики или начальства, а, так сказать, по «гамбургскому счету» — для себя. Очевидно, в такие моменты человек ощущает, как у него «выросли крылья», к нему приходит чувство собственной значимости.

Когда жонглер Земцев успешно заканчивал гастроли в цирке на Цветном бульваре, его вызвал управляющий и предложил стать директором передвижки. Может и стоило Фирсу задуматься о том, что администратор и артист — сочетание противоречивое, что насущные хозяйственные проблемы не способствуют творческим устремлениям. Но кому из нас не приходилось заблуждаться на свой счет, переоценивать свои возможности? Особенно, если оказывают такое доверие, назначая на руководящую должность.

С 1953 года Ф. Земцев не только артист, он стал директором передвижного цирка. Его шапито колесило по Союзу, поднимая брезентовый шатер в отдаленных от центра городах. Так артисты цирка в самом прямом смысле несли искусство в массы.

Но что ни говори — провинция есть провинция. Постоянная удаленность от больших цирков в первую очередь сказывалась на признании, должной оценке мастерства любого артиста. Он как бы выпадает из основной обоймы, из поля зрения начальства. А это обстоятельство играет, скорее всего, главнейшую роль в судьбе артиста...

Отработав четверть века на манеже, Земцев пришел в ГУЦЭИ. И до нынешнего года в стенах училища растил новую смену. Но что удивительно, за все это время, а 28 лет срок немалый, педагог-режиссер Земцев не выпустил двух похожих номеров. Им придуманы и отрепетированы более 300 оригинальных трюков.

Хорошо известен Фирс Петрович в мире кино. По меньшей мере, сто фильмов снято при его непосредственном участии. Virtuозный постановщик трюков, умелый дублер, бесстрашный каскадер — это все о нем. «Борец и клоун», «Неуловимые мстители», «Айболит-66», «Адьютант его превосходительства», «Достояние республики» — разве перечислишь все его фильмы. Они запомнились зрителю чрезвычайными ситуациями, в которых герои, рискуя жизнью, смело преодолевали всевозможные препятствия. Совершить эти подвиги помогал артистам кино цирковой режиссер Ф. Земцев.

Мы встретились с заслуженным работником культуры РСФСР Фирсом Земцевым накануне Дня Победы. И разумеется, не могли не вспомнить о суровых днях Отечественной войны. Наш разговор незаметно целиком поглотила военная тема, но при этом он лишь подтвердил известное мнение:

АРТИСТ ВСЕГДА АРТИСТ!

АРТИСТ ВСЕГДА АРТИСТ

ЭДУАРД АКОПЯН И ФИРС ПЕТРОВИЧ ЗЕМЦЕВ

ко мне выдали новенькое обмундирование, я отправился в Ташкентский цирк. Конечно, в тайне надеялся, что знакомые артисты одобряют мой поступок. Но женщины дружно вздыхали и ахали, а мужчины настороженно выясняли, зачем я так сделал, ведь можно было остаться в цирке. Огорченный таким приемом, все семь месяцев, что нас учили, в цирк я ни разу не зашел. Вновь испеченным лейтенантом, командиром пулеметного взвода в июне 1942-го я прибыл в Москву в резерв главного командования. Первым делом угорючил начальника эшелона отпустить меня хоть на сутки.

Страшную картину застал я дома. Постаревшую мать, лютых голодных племянников, для которых самым большим лакомством стал суп из селедки и картофельных очистков. Из моего сухого пайка получился праздничный обед, который они запомнили надолго. Уходя, я оставил тепловое белье и шинель, чтобы мать, продав их, могла купить для босоногой детворы продуктов. Так и пришел в часть с аттестатом, но без полного обмундирования.

Разместили нас в Чернышевские казармы, что напротив Даниловского рынка. Что особенно пришлось мне по душе, так это огромное здание клуба с хорошим зрительным залом. Конечно, такое помещение не могло пустовать. Вскоре и я, оставив нехитрый реквизит — булавки, кольца, шары, шапоклук, выходил на клубную сцену. Так возобновились мои привычные заботы о номере, начались ежедневные репетиции, концерты. Как-то в перерыве между выступлениями ко мне зашел генерал. Он представился заместителем начальника Краснознаменного ансамбля песни и пляски Александрова и предложил возглавить одну из фронтальных концертных бригад. Я согласился и вскоре был направлен на Воронежский фронт.

В штабе фронта, решив, что в данный момент нужны не артисты, а воины, предъявил военный аттестат, полученный в Ташкенте. Меня назначили командиром роты и направили в 504-й полк 107-й дивизии. Замполитом здесь оказался большой любитель цирка. Знал он и нашего управляющего Стрельцова, и директора цирка Байкалова. Мы вспомнили многих артистов. Я назову кого-то, а он тут же подсказывает мне, о ком речь. В этой же дивизии служил жонглер Иван Кукленков. Он уже был «стариком» и по-свойски порекомендовал мне,

как устроиться получше. Но я не внял его ценным для каждого новичка советам. Попросил, чтобы меня отправили к месту назначения.

Не успел я войти в расположение части, как дневальный позвал меня к телефону. Ничего не понимая, я взял трубку и услышал незнакомого, который на ломаном русском кричал: «Эй, лейтенант с красными нашивками! Не вовремя ты попал сюда. Сейчас начнется, берегись!» И тут началась такая бомбежка! Вместе со снарядами на нас летели огромные металлические бочки, выверленные со всех сторон. Они падали с таким свистом и воем, что не только уши закладывало, но ужасно действовало на психику.

А на следующую ночь был подбит наш танк. Он застрял на нейтральной полосе и нам и противнику до него было метров двадцать пять. Но наши бойцы оказались проворнее и первыми подрывали ход под нижний люк. Под охраной солдата пролез в танк и оттуда наблюдал в оптические приборы за вражескими позициями и корректировал артиллерийский огонь. Фашисты не замедлили с ответным ударом по танку, и он был полностью укомплектован боеприпасами, которые начали взрываться. Возник пожар. Я был ранен и на какое-то время потерял сознание. Когда пришел в себя, из последних сил нырнул в люк и начал отползать от горящего танка. Через несколько минут он взорвался. Как только мы добрались к своим, меня на первой же подводе доставили в санчасть, оттуда — в Тамбовский госпиталь.

Не знаю, как долго я находился бы под наблюдением медиков, если бы однажды в нашу палату неожиданно не вошли Гаркави и Русланова. Я был еще очень слаб: три ранения, лицо, руки, ноги обожжены. Но радость встречи придала мне сил. Ободренный вниманием любимой певицы, я попросил дать мне реквизит, который берег пуще глаза, и пошел с ними в другие палаты. Под свою ответственность Лидия Русланова забрала меня из госпиталя. И в составе бригады я опять оказался на Воронежском фронте.

Мы давали по три-четыре концерта ежедневно, переезжали из одной дивизии в другую. Вечером выступали перед высшим офицерским составом. На войне как на войне — попадали под бомбежку и под артобстрел, принимали участие в оборонных боях, в контрнаступлениях. В нашей бригаде я отвечал за безопасность артистов, так как

имел право на ношение оружия.

Русланова получила приглашение на съемку киноконцерта и уехала в Москву. Встретились мы с ней нескоро, в черные для нее дни. Как известно, доброе имя и всеобщая любовь не спасали людей от кары властей. Но я все-таки пришел навестить опальную артистку, понимая, как дорога ей в это время каждая встреча.

Началась долгожданная пора наших выступлений. Освобождение Воронежа к тому времени было предопределено. Немецко-фашистские войска были окружены, мы сравнительно легко их смяли и чуть ли не походным маршем дошли до Курска.

Здесь наши войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление. И все же 8 марта город был освобожден. Но какой ценой?! В нем почти не осталось неразрушенных зданий. Перед войной я работал в новом, только что отстроенном цирке. На его месте нашел лишь потрепанные остатки рекламных щитов. Накануне отступления фашисты нагнали последний цирк евреев и взорвали его.

В 43-м я был назначен командиром второго батальона 207-го полка 70-й Гвардейской дивизии. В одном из боев, когда мы прорвали оборону фашистов и обеспечивали продвижение наших танковых войск, снайперская очередь прошла мне левую ногу. Снова госпиталь. После лечения медицинская комиссия сделала заключение, что к строевой службе я больше не годен.

В 45-м командовал женским батальоном МПВО Кировского района столицы. До октября месяца несли мы круглосуточную охрану промышленных объектов Москвы.

Ночью 2 мая по Москве прошел слух, что Берлин взят, война окончена. 8 мая, не сдерживая радостных слез, мы слушали сообщение о подписании мира. А 9-го вечером я, конечно, был в шумной, многоголосой толпе победителей на Красной площади.

После демобилизации, несмотря на уговоры продолжить военную службу, я решил вернуться в цирк. По сути я так и не расставался с ним все эти годы. Где бы я ни служил, даже не зная моего имени, многие обращались ко мне запросто: «артист». И при всяком удобном случае я доказывал, что зовут меня так не напрасно.

Гвардии-капитана Фирса ЗЕМЦЕВА расспрашивала невоенно-обязанная Вера УХАРОВА. Фото Л. БАБУШКИНА.

В 1937 году я закончил цирковое училище и вместе с партнером А. Артаномовым мы поехали в Донбасс. Как я сейчас помню, первым городом, где мы начали работу, было Сталино — нынешний Донецк. А тогда, ко дню рождения великого вождя, бывшую Юзовку поспешно переименовали в его честь.

Не только в истории государства, но и в жизни людей многое происходит под влиянием чьей-то личности, каких-то встреч. Вот, скажем, в моей судьбе. Отец, Петр Иванович, служил гримером в Малом театре, пользовался большим авторитетом тогда еще молодого кинематографа. Дома он часто рассказывал о том, как ставя спектакли, как идут съемки фильмов. А я вместе с соседскими мальчишками с нетерпением ждал вечера, чтобы ударить на представление в цирк. В нашем доме на Кремлевской набережной проживало несколько цирковых артистов, но кумирами ребят были акробаты Николай Иголкин и Юрий Виноградов. Они часто брали нас в цирк. Стоит ли говорить о том, как я гордился тем, что выходил в массовых сценах знаменитых пантомим «Махновщина» и «Черный пират» на самый настоящий манеж. После окончания восьмого класса у меня не было вопроса кем быть. Только артистом цирка!

В начале сороковых я попал на Западный фронт, вместе с войсками вошел на Западную Белоруссию и Украину. Нет, тогда я еще не был солдатом. В

составе концертной бригады вместе с Л. Руслановой и М. Гаркави, М. и С. Птицыными мы выступали перед красноармейцами. Где-то рядом в такой же бригаде работал С. Образцов. Вскоре мы разлетелись в разные стороны и никто не знал, доведется ли встретиться снова. Меня отправили на Дальний Восток. С концертной бригадой я проехал по всей цепочке восточной границы, побывал в самых отдаленных укрепленных пунктах.

Вот ведь как бывает! Находился на самом переднем крае обороны, встречался с видными военачальниками. На Дальнем Востоке, к примеру, познакомился с Блюхером и его замполитом Штерном. Видел раненых в госпиталях Львова, знал об оккупации Польши. Иногда в разговоре с солдатами, которые были откровеннее, прямее, проскальзывали тревожные нотки. Но как же сильно действовало — Цыц! Молчать! Иначе будет худо!

Внешне все шло благополучно. Подписан пакт о ненападении. На самом высоком уровне Сталин и Гитлер обмениваются телеграммами. Все это печаталось в газетах. Что-то, а обрабатывать население у нас умели хорошо. Да и в двадцать лет на все смотришь с неподдельным оптимизмом.

22 мая 1941 года начались мои гастроли в Свердловске. Наша программа работала в саду Вайнера. Он котировался также высоко, как Московский сад «Эрмитаж». В Свердловске Эстрадный театр был, пожалуй, побольше, да и побогаче столичного. Словом, все складывалось как нельзя лучше.

21 июня, как известно, пришлось на воскресенье. Накануне вечером мы с приятелями устроили веселое застолье и, ни о чем не ведая, просидели до утра. В половине двенадцатого у меня первое выступление. Чтобы осветиться, наша беззаботная компания отправилась на Комсомольское озеро. Мы все еще не замечали происшедших вокруг перемен. Правда, было удивительно видеть пустынный пляж в разгар купального сезона. И совсем нелепо выглядела тут одинокая, покачивающаяся фигура пьяного. Нетвердо ступая по берегу, он на чем свет стоит крыл Гитлера. Мы были с девушками и попросили его прекратить ругань, пригрозив милицией. «Какая милиция? Кому я нужен?! Вы что, радио не слышали? Гитлер пошел на нас войной», — не прекращая материться, прокричал он...

Через пару дней мы выступили в госпиталях, куда прибывали раненые бойцы.

Первая военная осень застала меня в Самарканде. Несмотря на бронь, выданную нам, артистам цирка, в каждом городе руководители программ шли в военкомат и на комиссию Горисполкома утверждали ее. Три дня Кожеников и Роговский хлопотали об этих бумагах на каждого участника программы. А на четвертый к нам в шапито пришел представитель Ташкентского военного училища и созвал молодежь на комсомольское собрание. Меня долго уговаривали не приходить. Я тут же выступил с призывом: на фронте мы нужны! Старики, конечно, обиделись, не поняли моего рвения. Тем не менее в октябре 1941-го я уже был курсантом. И как толь-

